Матюшевская М. И.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г. П. ФЕДОТОВА

Творчество Георгия Петровича Федотова (1886–1951) – религиозного мыслителя, историка, одного из самых известных публицистов русского зарубежья – сегодня остается для нас малоизученным, а для широких научных кругов малознакомым. Самой значительной обобщающей работой о нем и его научных трудах на сегодняшний день является вступительная статья В. Ф. Бойкова к изданному в Санкт-Петербурге в 1991 г. двухтомнику трудов Г. П. Федотова «Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры». Вместе с тем, творческое наследие этого ученого имеет большой научный потенциал. Г. П. Федотов смотрел на мир глазами христианского мыслителя, тяготеющего к церковности, но сохраняющего воспринятые им еще в юности социал-демократические убеждения. Его творчество не относилось к религиозной философии и чистому богословию. По оценке В. Ф. Бойкова, для Г. П. Федотова было характерно богословие социальное или даже социологическое [1, с.7].

Г. П. Федотов закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Во время учебы под влиянием профессора И. М. Гревса он увлекся медиевистикой, и в доэмигрантский период творчества выступал преимущественно как специалист по агиографии Меровингской эпохи. Г. П. Федотов опубликовал ряд работ – «Письма» Блаженного Августина (1911г.); «Боги подземелья» (1923 г.); «Чудо освобождения» (1925 г.); «Феодальный быт в хронике Ламберта Ардского» (1925 г.); монографию «Абеляр» (1924 г.). В этих работах он исследовал историческую эпоху сквозь призму духовной культуры, раскрывал ее особенности через анализ самосознания личности и культуры, зафиксированного в переписке людей, памятниках литературы, житиях святых [2].

С 1925 г. Г. П. Федотов находился в эмиграции (Берлин, Париж, с 1940 г. – Нью-Йорк). Там историка интересовали уже другие научные темы. Он стремился ответить на животрепещущие вопросы современности, а его труды приняли характер научно-публицистических исследований. Их Г. П. Федотов проводил на стыке философской, религиозной, исторической, культурологической, геополитической

точек зрения. Такой комплексный подход к изучению исторического процесса сегодня необычайно актуален. Это делает творческое наследие Г. П. Федотова интересным не только с историографической точки зрения. Оно может быть востребовано при решении современных социальных проблем.

Цель данной статьи – рассмотреть понимание Г. П. Федотовым культурного феномена Древней Руси, которое он продемонстрировал через анализ термина «русское христианство». Этот термин вместе с понятием «идея Киева» проходит через все научно-публицистическое творчество Г. П. Федотова. На каждом его этапе он наполнялся новыми смыслами и раскрывался новыми гранями. Однако ключевой работой ученого по данной проблематике стала статья «Три столицы» (Париж, 1926 г.). Научный анализ данной работы, выполненный в контексте всего научно-публицистического творчества Г. П. Федотова, а также современной ему историко-философской мысли и историографических работ, опубликованных историками второй половины XX – начала XXI в., – основной метод написания данной статьи.

В работе «Три столицы» Г. П. Федотов выстраивает следующую логическую цепочку рассуждений. Октябрьская революция разрубила одну из самых острых проблем русской истории – двухвековой спор между Москвой и Петербургом о выборе путей дальнейшего развития России. Это был спор между славянофилами и западниками, который решился в пользу славянофилов – Москвы. При этом старое славянофильство было упразднено. Его место заняло евразийство: «Кремль – не символ национальной святыни, а форпост угнетенных народов Азии…» [3, с. 50].

Г. П. Федотов относится к евразийству скептически. Его истоки он видит в многовековой борьбе Руси со степью. Историк пишет: «… странная эта борьба: она как будто чужда ненависти. Овладевая степью, Русь начинает ее любить; она находит здесь новую родину… В степях сложилось казачество (даже имя татарское), которое своей разбойной удалью подарило Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился и русский характер, о котором мы говорим как о чем-то исконном, вечном…» [3, с. 59–60]. Г. П. Федотов видит в таком влиянии степи проявление «тяжелой туранской стихии» и отмечает: «Дух тиранов Ренессанса, последних Медичи и Валуа, живет в кремлевском дворце, под византийско-татарской тяжестью золотых одежд. Грозные цари взнуздали, измучили Русь, но не дали ей развалиться, расползтись по безбрежным просторам… Москва питается северной Русью, ее ду-

ховными силами, ее трудовой энергией, но, чувствуя ее за плечами, она смотрит – на юг и восток…» [3, с. 59].

Западнический Петербург также не вызывает у Г. П. Федотова симпатии. Он характеризует его как Петербург-чиновник, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой. Так смотрели на Петербург миллионы провинциалов, приезжающих на берега Невы обивать пороги министерских канцелярий: немецкое пятно на русской карте [3, с. 50– 51]. Г. П. Федотов делает вывод: «Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы – два неизбежных срыва России, преодолеваемых живым национальным духом…» [3, с. 61].

Этот живой национальный дух Г. П. Федотов видит в «идее Киева» и «русского христианства». Историк восхищается Киевом: «Нигде в России не топчешь почвы, столь насыщенной обломками древности…» [3, с. 62]. Здесь жили люди каменного века, киммерийцы, скифы, «трипольцы», люди, не имеющие имени для нас. «Это предки наши, не прохожие гости. Мы носим их память в крови, в языке, в быту. Вспомним вклад скифов в наш словарь, греческие формы малороссийской посуды, азиатский орнамент украинских ковров. Недавно в армянском фольклоре Н. Я. Марр отыскал легенду о Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди – с тождеством самих имен, и вероятным становится незапямятно-древнее, «яфетическое» ее происхождение…» [3, с. 62]. Однако главное значение Киева – то, что он стал православной вехой в судьбе России.

Г. П. Федотов убежден: «Культура народа вырастает из религиозных корней, и какие бы пышные побеги и плоды ни приносило славяно-русское или турано-русское дерево, оно пьет соки земли христианской через восточно-греческие корни…» [3, с. 64]. Поэтому «… истинный путь дан в Киеве: не латинство, не бусурманство, а эллинство. Наш дикий черенок привит к стволу христианского человечества именно в греческой ветви его, и это не может не быть незначащей случайностью…» [3, с. 64].

Восхищение Киевом у Г. П. Федотова перемежается горечью от того, что российская элита XIX – начала XX в. почти не интересовалась его историей: «О Киеве кажется странным говорить в наше время. Мы сами в недавнем прошлом с легкостью отрекались от киевской славы и бесславия, ведя свой род с Оки и с Волги. Мы сами отдали Украйну Грушевскому и подготовили самостийников. Стоял ли Киев когда-нибудь в центре нашей мысли, нашей любви? Поразительный факт: новая рус-

ская литература прошла совершенно мимо Киева. Ничего, кроме «Печерских антиков» да слабого стихотворения Хомякова. А народ русский во все века своего существования видел в Киеве величайшую святыню, не уставал паломничать к нему и в былинах славил чудный город и его светлого князя…» [3, с. 61].

По наблюдению Г. П. Федотова, на киевской земле уже много веков идет борьба двух культур – византийско-русской и польско-украинской [3, с. 62]. Рассуждая о ней, историк заключает: «Как ни дороги воспоминания о национальном пробуждении Украины-Малороссии, они исчезают перед памятью о единственно великой эпохе киевской славы. В этой славе все исчезает. Бесчисленные народы, проходившие по этим горам, культуры, сменявшие друг друга, имели один смысл и цель: здесь воссиял крест Первозванного, здесь упало на славяно-варяжские терема золотое небо святой Софии. И этого нам не забыть, пока стоит Русь…» [3, с. 63].

Кроме Киева Г. П. Федотов выделяет еще один город, прославившийся в период Древней Руси и ставший для нее знаковым, – Великий Новгород. Ученый пишет: «Мы и сейчас не понимаем, как мог он совместить с буйным вечем молитвенный подвиг, с русской иконой ганзейский торг. Все противоречия, жившие в нем, воскресли в старом и новом Петербурге…» [3, с.55]. Петербург – наследник Великого Новгорода. Его историческая задача – соединить Запад и национальную русскую культуру. По оценке Г. П. Федотова, встреча этих двух стихий не может не быть безболезненной: «… и в Петербурге, на водоразделе их, она ощущается особенно мучительно. Но без их слияния – в вечной борьбе – не бывать русской культуре. И хотя вся страна призвана к этому подвигу, здесь, в Петербурге, слышна ее историческая задача, здесь остается если не мозг, то нервный узел России…» [3, с.55].

Историко-философские аргументы, приводимые Г. П. Федотовым в статье «Три столицы», несут в себе как авторское начало, так и отпечаток всей культуры «серебряного века» дореволюционной и эмигрансткой России. В его рассуждениях о святой Софии чувствуется влияние философии всеединства В. С. Соловьева. В выводах о том, что «Петербург вобрал в себя все мужское, все разумно-сознательное, все гордое и насильственное в душе России. Вне его осталась Русь, Москва, деревня, многострадальная земля, жена и мать…» [3, с.51] – ощущается философское мировоззрение П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева. Мысли Г. П. Федотова о «туранизме» русских своими истоками уходят в философию евразийства С. Н. Трубецого.

В современной науке оценка этого пласта культуры «серебряного века» России очень неоднозначна. Особенно большой шквал критики вызывает «туранская» теория. Наиболее интересными в данной связи являются работы харьковского историка А. Д. Каплина [4–6]. Однако «туранская» теория жива и сегодня [7]. Ею пытаются объяснить современную историю и политику России, а потому любое свидетельство о ней, в том числе в сочинениях Г. П. Федотова, интересно и значимо.

Оригинальная, авторская часть статьи «Три столицы» развивается в других работах Г. П. Федотова. Мысль о том, что культура народа вырастает из религиозных корней, получила продолжение в его статье «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.). В ней ученый пишет: «… киевская культура аристократична. Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы от княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее в народной среде протекает страшно медленно, но органично и непрерывно…» [8, с. 73].

По мнению Г. П. Федотова, органичность культурного развития в Киевскую эпоху, как ни парадоксально, заложила в русскую культуру зерно будущего трагического раскола. Историк поясняет этот момент так: «Я имею в виду славянскую Библию и славянский литургический язык. В этом наше коренное отличие в самом исходном пункте от латинского Запада. На первый взгляд, как будто славянский язык церкви, облегчая задачу христианизаци народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции… За расцветом религиозной и материальной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует. Переводы, наводнившие древнерусскую письменность, конечно, произвели отбор самонужнейшего, практически ценного: проповеди, жития святых, аскетика. Даже богословская мысль древней церкви осталась почти чуждой Руси. Что же говорить о Греции языческой? На Западе, в самые темные века его (VI–VIII вв.), монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом – латынью, чтобы им открылись все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура – задолго до Возрождения…» [8, с. 73–74]. Г. П. Федотов заключает: «Монах и книжник Древней Руси был очень близок к народу – но, пожалуй, чересчур близок. Между ними не обра-

зовалось того напряжения, которое дается расстоянием и которое одно только способно вызывать движение культуры. Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения – ученика. Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы…» [8, с. 75].

Такая особенность древнерусской культуры определила вектор развития будущей России на много веков вперед. По оценке Г.П. Федотова, «Тысячелетний умственный сон не прошел даром. Отрекшись от классической традиции, мы не могли выработать своей, и на исходе веков – в крайней нужде и по старой лености – должны были хватать, красть (compilare) где и что попало, обкрадывать эту нищающую Европу, отрекаясь от всего заветного, в отчаянии перед собственной бедностью. Не хотели читать по-гречески – выучились по-немецки, вместо Платона и Эсхила набросились на Каутских и Леппертов. От киевских предков, которые, если верить М. Д. Приселкову, все воевали с греческим засилием, мы сохранили ненависть к древним языкам и, лишив себя плодов гуманизма, питаемся теперь его «вершками», засыхающей ботвой…» [8, с. 75].

Еще одна особенность культуры Древней Руси в понимании Г. П. Федотова – особая роль древнерусской православной церкви в становлении национального самосознания и культуры. В статье «Национальное и вселенское» (Париж, 1928 г.) Г. П. Федотов отмечал: «Христианская Церковь с первых дней своего бытия на земле раскрывается как Церковь вселенская… Римское католичество навсегда сохранило этот универсализм (вселенскость), как свое сущностное определение – свое «имя». Отсюда развитие новых европейских народов протекало, – и до сих пор протекает, – в трениях и в борьбе с Римом… Православная Византия жила исключительно сознанием вселенским. Для нее границы православного мира совпали с вселенской, по смыслу своему, империей. Далекие русские князья, поскольку они православны, считались подданными («стольниками») василевса, единственного христианского царя на земле. Здесь происходил подмен, еще более очевидный, чем на Западе. Национально-конкретное, греческое, объявлялось вселенским…» [9].

Для Древней Руси принять христианство означало принять греческую иерархию и греческие императорские законы. Г. П. Федотов видел в таких притязаниях Византии, извращение великой правды: «Христианское человечество должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни. Однако приравнение этого земного

единства Церкви внешнему государственному единству было великой ложью, провиденциально вскрытой в гибели греческого царства. Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии…» [9].

По мнению Г. П. Федотова, свидетельством того, что древнерусский крещеный народ стал задумываться о своем религиозном призвании и утверждать свою богоизбранность, явились первые памятники христианской письменности на Руси: похвальные слова князю Владимиру, житие святых Бориса и Глеба, Начальная летопись. Древняя Русь пережила аскетический подвиг с остротой и силой, неизвестной позднее в Московской Руси – Киево-Печерский патерик. Древнерусская церковь канонизировала десятки князей, об аскетических подвигах которых не было ничего известно. Одни из них были мучениками за веру, другие – мучениками за национальный идеал: «положили душу свою за други своя». Греческая Церковь почти не знала святых мирян. Таким образом, в святых князьях на Руси расцвела новая святость, теснейшим образом связанная со святыней национальной жизни.

Национальное религиозное сознание Руси достигло своей вершины у святого Иосифа Волоцкого. Но к концу XV в. оно уже было заслонено и отягощено новым универсализмом: идеей «Москва – Третий Рим», доставшейся в наследство от погибшей Византии. Эта идея привела к тому, что для людей XV–XVII вв., Успенский собор в Москве стал «святой, соборной и апостольской Церковью». Однако эта национальная вселенскость грозила утратой вселенского чувства Церкви.

Вселенское сознание Москвы помешало выразиться древнерусскому сознанию нации. Наказанием за это стал русский раскол. По оценке Г. П. Федотова, «… мысль XIX века – мысль светских богословов и философов – славянофилов, В. Соловьева – додумала и выразила то, чем жила Древняя Русь…» [9].

Г. П. Федотов был убежден: «Нет более распространенного недоразумения среди нас, как смешение «православного» и «русского». Православное это вселенское, это для всех. Русское – только для нас. Мы плохо знаем иные православные церкви и культуры, плохо знаем и свою собственную. Отсюда иногда мы готовы утверждать, как русское, то, что является призванием христианства восточного, а иногда выдаем за православное, вселенское, общеобязательное исторические особенности лишь нашего, русского пути. И национальное и вселенское понимание православия страдают от этого смешения. Поэтому первый долг для

нас – долг самопознания – упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого…» [9].

Размышления о национальном и вселенском в православии, о роли праволавной церкви в становлении русского национального сознания Г. П. Федотов продолжил в работах «Новый идол» (Париж, 1935 г.), «Канонизация святого Владимира» (Белград, 1938 г.) и др. В частности, в статье «Новый идол» он писал: «Правда заключается в том, что национальная идея, по происхождению языческая, получила христианское крещение – довольно позднее – в свете учения о соборной личности. С этого момента она входит существенным ингредиентом в синтез христианской культуры. Однако необходимым условием ее нормальной жизни является ее соподчиненность другим великим идеям, образующим полноту Истины. Вселенское принадлежит к более глубокому и первичному слою в христианстве, нежели национальное. Церковь Христова родилась как вселенская и жива лишь там, где вселенское сознание не заглохло… Интернационализм, понимаемый как механический сплав потерявших свой духовный облик народов, противен персоналистической природе христианства. Но столь же справедливо, что национализм, восставший против вселенского единства во имя обособленного эгоизма частей, не имеет ничего общего с христианской идеей человечества…» [10, с. 62–63].

В статье «Канонизация святого Владимира» Г. П. Федотов показал себя уже не как публицист, а как историограф. Он подробно рассмотрел историю изучения в российской науке вопроса о причинах поздней канонизации крестителя Руси – святого Владимира, и пришел к выводу: «Если признать вероятным сопротивление митрополитов XI–XII в. канонизации святого Владимира, то причину его, по нашему мнению, следует искать не в грубой национальной тенденции, а в том, что может быть названо церковным консерватизмом. Канонизация князя Владимира по самому типу нового святого представляла великое новшество в традициях Греческой Церкви. Известно, что подавляющее большинство ее святых, после мучеников, принадлежат к чину преподобных и святителей. Миряне встречаются в ее календаре (в отличие от Русской Церкви) в виде исключения…» [11].

Говоря об особенностях «русского христианства», Г. П. Федотов обратился также к теме «русской святости». Наиболее полно она была раскрыта в его труде «Русское религиозное сознание» (Кембридж, 1946 г. (1 т.) и 1966 г. (2 т. – посмертно)). По оценке известного советского и российского историка А. И. Клибанова, «… главным в исследовании

Федотова является определение русской святости как кенотипической. Это – греческое понятие, встречающееся в глагольной форме у апостола Павла в Послании филиппийцам. Речь идет о добровольном самоуничижении Христа…» [12]. Основные выводы о кенотическом типе русской святости, сделанные Г. П. Федотовым, таковы: непротивление придает смерти качество добровольных страданий и очищения; воскрешение и очищение – цель, за которую можно заплатить муками и смертью. Г. П. Федотов обратился к генетическим связям, предопределившим особый тип русской святости. А. И. Клибанов отметил, что «… особенно благодарным материалом для тонких, проницательных размышлений Федотова, для великолепных находок его обобщающей мысли послужила житийная повесть о Феодосии Печерском. Именно Феодосий стал отцом русского монашества. В личности Феодосия был найден монашеский идеал, которому Древняя Русь сохраняла верность в течение многих веков…» [12].

Выводы А. И. Клибанова относительно вклада Г. П. Федотова в изучение «русского христианства» дополнил А. Мень. На основе изучения книги «Святые Древней Руси» (Париж, 1931 г.) он пришел к заключению: Г. П. Федотов показал, «… что, приняв от Византии аскетический идеал, русское христианство начинает вносить в него элемент каритативный, элемент служения, элемент милосердия – тот, который в Византии был меньше проявлен…» [13]. Г. П. Федотов показал, как это совершалось в Киевской Руси, в эпоху Рублева и Стефания Премудрого, во времена Возрождения. Люди, создававшие монастыри, были одновременно кормильцами, гостинниками и просветителями окружающего мира. В разделе о трагедии русской святости Г. П. Федотов показал, что в XV–XVI вв., церковное руководство, стремясь к активной социальной каритативной (милосердной) деятельности, одновременно стало также стремиться к богатству. Это приводило к злоупотреблениям.

Обозначенная Г. П. Федотовым проблематика исследования «русского христианства» в первой половине XX в. была очень популярна в среде российской эмиграции. Например, Н. А. Бердяев, соглашаясь с Г. П. Федотовым в вопросе понимания вселенского и национального в христианстве, писал на эту тему так: «Сейчас повсюду в мире происходит разделение христианства и это разделение необходимо углублять. Происходит катастрофическим путем очищение христианства от тех исторических наслоений, которые ничего общего не имеют с истоками христианства и привнесены социальными интересами царства кесаря.

Это есть одухотворение христианства, оно делается более внутренним и искренним, более связанным с заветами Христа и более творческим. Наступает конец «бытового», т. е. языческого христианства, происходит разрыв с языческими традициями в христианстве, с ложной сакрализацией исторических тел, происхождение которых должно быть объяснено социологически. Кончается царство условно-риторического, декламационного христианства. Но перед своим концом оно может еще сделать много безобразий, много злобы еще может проявить. Христиане нового типа, нового чувства жизни, творческие христиане всех вероисповеданий перекликаются между собою и между ними больше близости, чем внутри каждого вероисповедания. Они должны соединяться…» [14].

В современной исторической науке России после длительного периода советского невнимания к исследованиям, связанным с церковной проблематикой, изучение тем, поднятых Г. П. Федотовым, также активно продолжается. Например, сегодня много внимания уделяется анализу теории «Москва – Третий Рим».

В частности, по оценке российского историка А. С. Усачева, в восприятии людей, живших в Московской Руси XV–XVI вв., Москва была не столько Третьим Римом, сколько Третьим Киевом. Доказательством тому являются крупнейшие литературные памятники России этого периода: «Сказания о Владимирской иконе Богоматери», «Сказание о князьях Владимирских», Степенная книга и др. В них средневековая московская историография рисовала пространственный образ перемещения по маршруту «Киев – Владимир – Москва» главной святыни Московского государства – иконы Владимирской Богоматери, а вместе с ней и митрополита Киевского и всея Руси. Рассматривались вопросы не только церковной, но и генеалогической, политической преемственности Москвы от Киева. Утверждение такой преемственности давало основание для борьбы с ВКЛ за земли, которые признавались «отчинами» московских государей [15].

А. С. Усачев отмечает, что в массовом сознании жителей Московской Руси XVI в. концепция «Москва – Третий Рим» не была господствующей. Утверждение обратного вывода современными российскими медиевистами рассматривается как мифологема. Однако отказ специалистов по русской средневековой истории от гипербализированной оценки этой концепции сегодня очень слабо затронул российскую историософскую литературу. В ней концепция «Москва – Третий Рим» по-прежнему пользуется популярностью.

Тематика изучения «русского христианства» сегодня дополнилась понятием «Русский мир». В дискуссиях на эту тему принимают участие не только представители науки, но и политики, деятели русской православной церкви. В частности, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 6 сентября 2014 г. высказал на эту тему мысль, созвучную идеям Г. П. Федотова: «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром… Русский мир – от киевской купели крещения… Русский мир – это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности… Непросто сегодня хранить эти ценности. Но нужно понимать, что без этих ценностей не будет существовать ни русский, ни украинский, ни белорусский народ, а все будет переплавлено в некоем котле цивилизаций. Сохранение цивилизаций, в том числе Русского мира, – это наша общая задача. Не для того, чтобы воссоздавать какие-то политические конструкции, строить новые империи, создавать военные блоки, совсем не для того. А для того, чтобы хранить величайшее наследие, которое мы получили от наших предков…» [16].

В современной науке и общественной мысли очень актуальны поднятые Г. П. Федотовым вопросы роли исторического образования в восприятии людьми своего прошлого и современности, а также роли духовной культуры и господствующих в обществе идей как оснований для геополитики. Этим вопросам помимо работы «Три столицы» Г. П. Федотов уделил особое внимание в статьях «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.) [17], «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.) [18] и др.

Знакомство с работами Г. П. Федотова, в которых затрагиваются вопросы украинской истории и геополитики, поражает точностью предвидения современных событий. Например, в статье «Будет ли существовать Россия?» (Париж, 1929 г.) Г. П. Федотов дает такой ответ на этот вопрос: «Из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев – малороссов, или украинцев. (И это самый болезненный вопрос новой России)… Что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи. Украине объективно придется выбирать между Польшей и Россией, и отчасти от нас зависит, чтобы выбор был сделан не против старой общей родины…» [19, с. 177].

В статье «Проблемы будущей России» (Париж, 1932 г.) Г. П. Федотов дополняет эту мысль: «Южнорусское (малорусское) племя было

первым создателем русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и само себя всегда именовало русским (до конца XIX в.). Настаивая на этом, мы, русские, правильнее выражаем историческую идею украинофильства, чем современные самостийники, предающие свой народ и его традицию его историческим врагам. Ближе мы, несомненно, и к национальному сознанию народных масс Украины, чем полонофильские или германофильские круги ее интеллигенции. И, однако, мы в качестве великороссов грешим невежеством и невниманием к южнорусской традиции, за Москвой теряем истинное ощущение Руси, а в настоящем просто недооцениваем грозного факта украинского отталкивания от нас…» [20, с. 250]. Г. П. Федотов был убежден: «… проблема Украины является самой трудной в ряду национальных проблем будущей России. Не разрешить ее – значит погибнуть, то есть перестать быть Россией…» [20, с. 249].

Эти мысли, высказанные Г.П. Федотовым, сегодня могут вызвать в обществе очень неоднозначную реакцию. Бесспорно одно: заслуга Г. П. Федотова перед исторической наукой заключается в том, что он показал, как современная европейская общественная жизнь своими корнями уходит в средневековые модели – политические, социальные, культурные, экономические. Г. П. Федотов описал роль религии в формировании культуры и ментальности народов Восточной Европы, суть и эволюцию религиозных идей, структурирующих общество. Он создал научную платформу для изучения культуры с богословских позиций, и продемонстрировал возможности светской науки в данной области знаний. Все это делает Г. П. Федотова значительной фигурой не только в историографии первой половины XX в., но и в современной науке.

Список литературы

1. Бойков, Ф. В. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) / Ф. В. Бойков // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 3–38.

2. Философы. Федотов Георгий Петрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://intencia.ru/Filosof-view-237.html. – Дата доступа: 07.02.2015.

3. Федотов, Г. П. Три столицы // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 50–65.

4. Каплин, А. Д. Невспоминаемые предшественники евразийцев и их критики (или еще раз о «мнимом «туранизме» русских») / А. Д. Каплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspominaemye_

predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_o_mnimom_turanizme_russkih/. – Дата доступа: 15.08.2015.

5. Каплин, А. Д. Российская эмиграция (первой волны) о славянофилах и славянофильстве / А. Д. Каплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/11/01/rossijskaya_emigraciya_pervoj_volny_o_slavyanofilah_i_slavyanofilstve/. – Дата доступа: 15.08.2015.

6. Каплин, А. Д. Европейский «туранизм» в контексте международных отношений и общественной мысли XIX – начала XX в. / А. Д. Каплин. // Studia internationalia: Материалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.», 2–4 июля 2014г. – Брянск: ООО «Ладомир», 2014. – С. 105–111.

7. Енджейчак, М. Туранское обличье России / М. Енджейчак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html. – Дата доступа: 15.08.2015.

8. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 66–102.

9. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: http://odinblago.ru/nac_i_vsel. – Дата доступа: 15.08.2015.

10. Федотов, Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культур: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 50–65.

11. Федотов, Г. П. Канонизация святого Владимира [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: http://odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotov_g_kanonizaciya_sv/. – Дата доступа: 15.08.2015.

12. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mreadz.com/new/index.php?id=16831&pages=42. – Дата доступа: 15.08.2015.

13. Мень, А. Георгий Федотов [Электронный ресурс] / А. Мень. – Режим доступа: http://www.vehi.net/fedotov/index.html. – Дата доступа: 16.08.2015.

14. Бердяев, Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести? [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: http://www.vehi.net/fedotov/index.html. – Дата доступа: 16.08.2015.

15. Усачев, А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) [Электронный ресурс] / А. С. Усачев. – Режим доступа: http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istoriografiya/Tretiie-Rim-ili-Tretiie-Kiev-Moskovskoe-carstvo-XVI-v.-v-vospriyatii-sovremennikov.html. – Дата доступа: 08.08.2015.

16. Святейший Патриарх Кирилл. Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо беречь [Электронный ресурс] / Святейший Патриарх Кирилл. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html. – Дата доступа: 07.08.2015.

17. Федотов, Г. П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 329–348.

18. Федотов, Г. П. Судьба империй // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С.304–327.

19. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т.1. – СПб.: София, 1991. – С.173–184.

20. Федотов, Г. П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 228–255.